

РЕЦЕНЗИИ

==== =====

Andrzej Sakson. Od Kłajpedy do Olsztyna. Współcześni mieszkańcy byłych Prus Wschodnich: Kraj Kłajpedzki, Obwód Kaliningradzki, Warmia i Mazury. Poznań: Instytut Zachodni, 2011. 828 s.

Андржей Саксон. От Клайпеды до Ольштына. Современные жители бывшей Восточной Пруссии: Клайпедский край, Калининградская область, Вармия и Мазуры. — Познань : Западный институт, 2011. — 828 с.

Монография известного польского социолога и историка Анджея Саксона (в 2004—2011 гг. — директора Западного института в Познани) подводит итог его многолетней работе по изучению истории и современной жизни одного из самых интересных регионов Восточной Европы — бывшей Восточной Пруссии. Исследование опирается на колоссальную базу источников (архивных и опубликованных документов, мемуаров и дневников, материалов «устной истории», публикаций прессы) и историографии (использованы статьи и монографии на английском, немецком, польском и русском языках); обработаны данные различных социологических исследований, осмыслен личный опыт автора. Ему известны все значительные публикации калининградских историков (в том числе статьи Ю. В. Костяшова, лежащие в основе недавней «Секретной истории Калининградской области», с которой А. Саксон, вероятно, не успел познакомиться к моменту завершения своей работы). Все это позволило создать фундаментальный труд, равных которому, пожалуй, нет в современной историографии.

А. Саксон прослеживает историю региона на протяжении «длинного» XX в.: от конца Первой мировой войны до наших дней. Цель его исследования — изучить общее и особенное в развитии территории, которая по итогам Второй мировой войны оказалась разделенной между двумя (а после распада Советского Союза — тремя) государствами, — послевоенное время стало главным объектом исследовательского интереса. По понятным причинам в характеристике послевоенного периода наибольшее внимание уделено польскому Варминьско-Мазурскому региону (примерно 44 % текста), чуть меньше — российской Калининградской области (38 %) и совсем небольшое (18 %) — Клайпедскому краю Литвы. Российского читателя, наверное, заинтересует прежде всего «калининградский аспект» этой темы — взгляд польского ученого на прошлое и настоящее «самой западной».

В «Истории» Геродота было девять книг — сообразно числу муз. Муз, вдохновивших А. Саксона, оказалось семь — именно столько глав в его исследовании. В первой («От старопрусских земель до Восточной Пруссии») дан общий обзор истории региона с древнейших времен до Первой мировой войны (с опорой в основном на немецкую историографию). Вторая глава («Немецкая, литовская и польская Восточная

Пруссия (1918—1939)» характеризует межвоенный период на территории края. Автор описывает административное деление провинции, мероприятия нацистского режима по германизации земель, на которых компактно проживали литовцы и поляки. Межвоенная Восточная Пруссия, как и Калининградская область после распада Советского Союза, была эксклавом — этот пример воспроизводства исторического опыта территории неоднократно отмечен автором (s. 35, 42).

Третья глава называется «Мощь и упадок Восточной Пруссии (1939—1945)». В разделе «Гибель Восточной Пруссии» внимание уделено ходу Восточно-Прусской операции Красной армии. При описании бегства и эвакуации жителей провинции А. Саксон обращается к анализу так называемого «синдрома Неммерсдорфа» (s. 112) — одного из поводов для массового психоза среди местных жителей. Автор описывает фактическую сторону дела, останавливаясь специально на усилиях пропагандистского аппарата нацистов по пробуждению у немцев чувства мести. Характеристика действий Красной армии в Восточной Пруссии строится на основе немецких работ — политика советского командования определяется через формулу «ненавижу немцев»; позиция Льва Копелева, участника боевых действий, протестовавшего против насилия в отношении гражданского населения и арестованного НКВД «за мелкобуржуазный гуманизм», отнесена к «немногочисленным исключениям» (s. 115). Заметно меньше места уделено расправе нацистов над евреями в Пальникене (s. 116—117).

Четвертая глава «Старые и новые жители (1945—1950)» начинается с рассказа об упадке прежнего порядка и общественного уклада. Автор констатирует, что «основным элементом в формировании локальной и региональной идентичности новых жителей Восточной Пруссии были процесс заселения, их национальный состав, политика центральных и региональных властей, значение этих территорий в национальной мифологии или отношении к прошлому, в особенности к немецкому культурному наследию» (s. 121). Обрисован процесс «советизации» трех регионов, в которых были сформированы новые административные структуры; подробно изложены обстоятельства жизни и депортации немецкого населения. Всюду на территории бывшей Восточной Пруссии были организованы переселенческие кампании (в связи с почти тотальной сменой населения Клайпеды автор вводит понятие «год зеро» применительно к 1945 г. — s. 121, 125), и везде коммунистические власти столкнулись, в общем, с одинаковыми проблемами. Во многом сходным было и отношение переселенцев к прошлому земли. Новые жители Клайпеды отнеслись к культурному наследию без пиетета: разграбление церквей, вырубка вековых деревьев на дрова, выпас скота на лютеранских кладбищах (s. 127). В Клайпедском крае, Калининградской области и некоторых городах Вармии и Мазур (например, в Бранево) переселение означало «рурализацию»: из разных областей СССР приезжали жители села и привносили в городскую повседневность элементы сельского быта. Развитие Клайпеды, как и Калининграда, быстро приобрело особый характер (портовой и военной спецификой была обусловлена недоступность городов для иностранцев). Говоря об истории «калининградских» немцев, А. Саксон обычно следует за

выводами немецких и российских авторов. Подробно описана история становления нового польского края, весь драматизм взаимоотношений старых и новых жителей, так называемое «изгнание прусского духа». Вообще, при всех различиях процесс выселения немцев из бывшей Восточной Пруссии вписывался в общую восточноевропейскую картину депортации представителей проигравшей войну страны.

Пятая глава («Трудный процесс вращающегося — период реального социализма (1950—1990)») посвящена эпохе реального социализма. Автор констатирует, что освоению приобретенной земли литовцами (отдельно обсуждается проблема локализации Малой Литвы) и поляками сопутствовала своеобразная историческая мифология (s. 265). За лапидарной характеристикой социалистического развития Клайпеды следует обстоятельное изложение основных вех советской истории Калининградской области. Автор начинает с обсуждения вопроса об области как «образцовом крае для *homo sovieticus*»: становлению именно такого типа общества благоприятствовал ряд факторов. Среди них — замкнутый характер региона, настроения и возраст переселенцев, отсутствие православных святынь на этой территории, пропаганда борьбы с немецким наследием. Играла свою роль и сталинская политика — автор сопоставляет планы советских и нацистских идеологов, мечтавших создать новый тип общества на оккупированных территориях (s. 293). Проанализированы ход преобразований экономики (особенно создание колхозов и совхозов), советская градостроительная политика и (в связи с ней) политика в отношении немецкого культурного наследия. Подробно изложена история протестов творческой интеллигенции против сноса Королевского замка в Калининграде: *case study* позволяет в описании советской общественной реальности избежать монотонности, столь свойственной тем, кто редуцирует все многообразие форм гражданского поведения к конформизму. Автор резюмирует свои размышления по поводу «образцового края» так: «Результат усилий по созданию «нового человека» на руинах прошлого — отрицательный. Калининградская область с течением времени превратилась в регион, охваченный апатией и подвергшийся *уравниловке*. Он также представляет из себя аномалию в постсоветском пространстве, «заповедник бывшей советской системы» (процитированы слова немецкого историка А. Коссерта. — *И. Д.*)» (s. 325).

В социалистической истории Вармии и Мазур (как, разумеется, и Польши в целом) отчетливо выделяются два периода — сталинизации (1949—1955 гг.) и постепенной десталинизации (с октября 1956 г. до упадка «реального социализма») (s. 335). Изменения касались всех сфер жизни, отдельно оговаривается то обстоятельство, что именно после 1956 г. в Вармии и Мазурах (в отличие от Калининградской области и Клайпедского края) начался процесс реставрации памятников истории и культуры (s. 344—345), — так отношение к довоенному наследию стало индикатором более глобальных общественных перемен.

Шестая глава — самая большая по объему — занимает едва ли не полкниги. Ее название — «Постмиграционные общества в процессе трансформации». Автор начинает с констатации многих общих черт в трех рассматриваемых регионах на конец 1980-х гг.: «глубокий цивили-

лизационный коллапс», связанный с упадком социалистической экономики; общие социальные болезни (алкоголизм, ВИЧ, снижение уровня жизни, особенно на приграничных территориях, высокий уровень безработицы, демографические проблемы); недостаток иностранных инвестиций и т. д. Это были наиболее советизированные районы Литвы, Польши и России, что создавало многочисленные барьеры для формирования институтов гражданского общества. Однако, полагает исследователь, для молодых поколений во всех трех регионах были характерны большая открытость и толерантность, проевропейские и модернизационные установки, готовность к усвоению своеобразного исторического наследия. На территории бывшей Восточной Пруссии менее всего по сравнению с другими областями трех государств были выражены антинемецкие или (в случае литовцев и поляков) антироссийские настроения.

В разделе о Клайпедском крае преимущественно освещается история бывшего Мемеля. Калининградский эксклав дал несколько поводов для исследований: сценарии будущего развития региона, вызовы в связи с расширением НАТО и ЕС, специфические способы усвоения немецкого наследия. Подробно говорится о проблемах развития постсоветской области: помимо названных общих социальных болезней это также и стремительная социальная дифференциация, рост коррупции, маргинализация села, миграционные процессы. Обстоятельная характеристика экономического развития самой западной российской области соседствует с сюжетами социальной и политической жизни: в книге нашлось место и 750-летию Кенигсберга-Калининграда, и знаменитым калининградским митингам, и общественной дискуссии по поводу переименования областного центра, и дебатам вокруг восстановления Королевского замка, и нашумевшей передаче собственности Русской православной церкви. В характеристике истории Варминьско-Мазурского воеводства автор не ограничивается казусом Ольштына, он также анализирует последствия процесса социально-экономической трансформации для жителей села. Отмечено, что этот процесс болезненнее всех переживали именно сельские жители (это справедливо для всех трех регионов бывшей Восточной Пруссии, потому что везде в советское время была осуществлена в тех или иных формах коллективизация. Сложный процесс преодоления новых противоречий (последствия распада системы государственных хозяйств в Польше определены автором как «социальная катастрофа», s. 591) раскрывается на богатом статистическом материале.

Заключительная глава называется «Новые идентичности в свете собственных исследований». В ней автор знакомит читателей с результатами социологического исследования, проведенного в 2005—2006 гг. в трех регионах, но это также своеобразное подведение итогов всей книги. А. Саксон констатирует, что социальные перемены последних шести десятилетий в Вармии и Мазурах, Клайпедском крае и Калининградской области имели свою специфику. Там сложились постмиграционные общества с особым характером социального взаимодействия. Из всех рассматриваемых регионов было депортировано немецкое население, численно доминировавшее там до войны (за не-

большими исключениями в литовской части). В Клайпедском крае отличием было то, что в сельской местности преобладали литовцы (переселенцы из Центральной Литвы), тогда как в городе в основном жили русские, украинцы, белорусы, прибывшие из СССР. В Калининградской области основу населения (его половина сосредоточена в областном центре) составили русские, но всего на территории Янтарного края автор насчитал около ста национальностей. В Вармию и Мазуры прибывали переселенцы преимущественно из центральных районов Польши.

Процессы социально-экономического развития в трех частях бывшей Восточной Пруссии имели различные динамику и характер. Клайпедский край и Вармия и Мазуры формировались как интегральные части национальных государств (в том числе Литовской ССР) со своим местным колоритом. Поэтому для населения этих регионов характерно высокое чувство региональной и общенародной идентичности. Иным образом обстояли дела в Калининградской области, развитие которой во многом обусловлено статусом эксклава, военным предназначением, сконцентрированностью населения в «столице», национальным многообразием, удаленностью от «большой России»... Здесь уровень локальной и региональной идентичности ниже по сравнению с соседними регионами. Это, впрочем, справедливо прежде всего в отношении тех, кто приехал в область в первые двадцать лет ее становления, и их потомков.

Другие интересные наблюдения автора: во всех трех регионах фиксируется обратная пропорциональность между возрастом жителей и уровнем их региональной идентичности, однако у молодежи (18—25 лет) этот уровень практически одинаков. Калининградская молодежь в меньшей степени привязана к родному региону, что объясняется эксклавым характером и периферийным положением области, дефицитами легитимизации исторической принадлежности территории к России, многонациональным составом населения и нестабильной политикой центральных властей (s. 758). В исследуемых регионах тяжелый процесс формирования региональной идентичности заставил людей столкнуться с разнообразными барьерами: аморфность постмиграционных обществ, маргинальное положение в структурах национальных государств и т. д. Общими для жителей Клайпеды, Ольштына, Калининграда и других населенных пунктов бывшей Восточной Пруссии являются не только климат и природа, но также историческое прошлое и память о нем, сходный тип старых построек, единые принципы пространственного планирования городов и поселков, во многом даже система коммуникаций. «Но прежде всего, — резюмирует А. Саксон, — большинство людей объединяет любовь к тем прекрасным местам, которые стали их родным краем, а когда-то образовывали Восточную Пруссию» (s. 773).

Работа А. Саксона в целом — это непредвзятый взгляд на историю бывшей Восточной Пруссии как некоторую целостность. Границы, которые возникали внутри этого единого пространства, все же не были абсолютно непроницаемыми даже в самые сложные времена. На протяжении нескольких десятилетий этот край находился под влиянием тоталитарных диктатур — автор старается выявить изоморфизм некоторых общественных и политических структур двух режимов. Над при-

знать, что это вполне тривиальная концепция, описывающая восточно-европейские регионы (*bloodlands* — по приобретшему популярность определению Т. Снайдера) как зону действия сменяющих друг друга тоталитарных режимов. Такому взгляду, пожалуй, недостает глубины; отсутствует анализ механизмов латентного сопротивления граждан диктатурам, дополнявшего антисоветские и антикоммунистические партизанские движения. И хотя это вполне академичное исследование (автор, следуя за Геродотом, объективно описывавшим греков и персов, не стремится обелить поляков либо очернить русских или литовцев), предвзятости иногда избежать не удастся. Лишь один пример: не очень убедительно звучит такая ремарка А. Саксона: «Характерная черта немецкого дискурса на тему выселения немецкого населения после Второй мировой войны состоит в том, что в основном ограничивается претензиями и сформулированными обвинениями в адрес Польши и Чехии. Зато это не касается Франции, России, а также Литвы или других государств, которые были союзниками Третьего рейха» (s. 228). Немецкий дискурс об Изгнании (*Vertreibung*), окончательно оформившийся в контексте знаменитого «спора историков» (*Historikerstreit*), опирается на массу зарегистрированных свидетельств (они исследованы во многих работах немецких историков, включая вышеназванного А. Коссерта), которые обеспечивают аналогичные претензии ко всем странам, включая Советский Союз. Однако общая гуманистическая направленность работы А. Саксона несомненна: автор постоянно иллюстрирует свои умозаключения устными свидетельствами простых людей — литовцев, немцев, поляков, русских. Все они, как правило, говорят о трудностях, лишениях, трагедиях, что закономерно, поскольку прежде всего страдание, как отмечено многими — от Яна Ассмана до Франклина Анкерсмита, делает вообще возможной историографию.

В колоссальном исследовании на восьми сотнях страниц невозможно было избежать опечаток и неточностей (так всегда бывает с большими проектами — от диссертаций до энциклопедий). Есть незначительные ошибки и в «калининградских» главах книги А. Саксона. Памятник Пушкину в Калининграде оказался в ряду традиционных советских памятников, установленных в период социализма (s. 320), тогда как на самом деле он появился лишь в 1993 г. Указаны ошибочные даты, когда императрица Елизавета «владела» Восточной Пруссией — 1764—1770 гг. (s. 474), хотя имеется в виду, конечно, период Семилетней войны. Автор отмечает, что три космонавта (А. Леонов, В. Пацаев, Ю. Романенко) родились в Калининградской области (s. 524), в действительности они лишь провели в ней детство. Сочинитель Вадим Храппа назван Владимиром (s. 538) (впрочем, эта ошибка перекочевала в книгу А. Саксона из известной работы П. Бродерзена по истории Калининграда). Встречаются опечатки в некоторых фамилиях, в немецких и русских названиях населенных пунктов; курьезным последствием набора текста на компьютере выглядит наименование местности Гранит (s. 55) — вероятно, имеется в виду Рагнит (современный Неман). Все эти мелкие недочеты, однако, не могут испортить общего крайне благоприятного впечатления от книги, которая насыщена интересными и

систематически изложенными сведениями по истории и современной жизни трех регионов бывшей Восточной Пруссии.

Есть ли возможности развить достоинства книги? Безусловно. Исследование во многом выстроено с учетом новейших тенденций развития исторической науки последних пятидесяти лет: автор по возможности привлекает материалы «устной истории», широко использует демографические и иные статистические сведения, данные соцопросов. Потенциал социально-исторического исследования далеко не исчерпан, как не освоены еще и многочисленные архивные фонды в описанных городах. Конечно, в фокусе внимания А. Саксона — история регионов и «столичных» городов (Клайпеды, Калининграда и Ольштына). Небольшим городам и тем более селу уделено по понятным причинам значительно меньше места. Между тем социальное и экономическое развитие сообществ за пределами крупных городов, несомненно, обладает своей спецификой; микроисторические исследования отдельных населенных пунктов могли бы существенно дополнить общую картину. Обращает на себя внимание диспропорция в распределении материала: исследование первой послевоенной пятилетки в полтора раза больше по объему, чем глава, посвященная советскому периоду (1950—1990 гг.). Этот дисбаланс присущ и современной российской историографии истории Калининградской области (подавляющее большинство новейших работ описывает период 1946 — начала 1950-х гг.).

Книга Анджея Саксона — заметный вклад европейского масштаба в региональные исследования. Для российской историографии это серьезный вызов, потому что до сих пор нет истории Калининградской области (не говоря уже о соседних регионах), написанной на современном научном уровне. Нет сомнений, что когда-то такое исследование появится на русском языке. Но бесспорно и то, что любой, кто в будущем обратится к истории бывшей Восточной Пруссии на протяжении «долгого» XX в., не сможет проигнорировать данные и выводы, представленные в фундаментальной работе польского ученого.

И. О. Дементьев

Об авторе

Дементьев Илья Олегович, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

About author

Dr Ilya O. Dementyev, Associate Professor, Department of International History and Relations, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: IDementev@kantiana.ru